

Похороны родителей Тянь Сяюя назначили через три дня. Все расходы взяли на себя Су. С тех пор как случилась та авария, Сяюй, казалось, выплакал все слезы; он целыми днями сидел в четырех стенах, прижимая к груди фотографии отца и матери.

Мать и отец Су места себе не находили от беспокойства и по очереди дежурили у мальчика. Но сердце матери разрывалось и за другого сына — Су Мо. По непонятной причине тот, кроме коротких перерывов на еду и умывание, тоже не выходил из своей комнаты. Он молчал, ни на что не реагировал и словно отгородился от всего мира.

Как только прозвенел звонок с последнего урока, Су Цзинь мертвой хваткой вцепился в Хань Дуна, не давая тому уйти.

— Дун-цзы, ну пожалуйста, загляни к Сяо Мо.

— Я же сказал: от меня никакого толку. Он должен сам во всем разобраться, — Хань Дун попытался высвободить руку, но перед ним выросли еще и Лян Цинь с Су Цзинем, преграждая путь.

— Назовись хоть Третьим братом, только сходи, а? — взмолился Лян Цинь. — Мне кажется, Сяо Мо к тебе хорошо относится.

Хань Дун скептически вскинул бровь:

— И с чего ты это взял?

— Он тебя щипал, — на полном серьезе ответил Лян Цинь.

— Твою мать! Исщипать меня до синяков — это, по-твоему, «хорошо относится»? Ты что, с ума сошел?

Су Цзинь поспешил вмешаться:

— Нет, правда, я тоже так думаю. Сяо Мо по натуре нелюдим, со всеми держится отстраненно, и только с тобой у него на лице хоть какие-то эмоции проскакивают. Не веришь — спроси Лян-цзы: когда это он на него так выразительно смотрел? Не говоря уже о том, чтобы распускать руки.

— Это просто потому, что я его бешу невероятно, — Хань Дун оттолкнул друзей и, перешагнув через препятствие, зашагал прочь.

— Да что мы тебе галдычим без толку! — крикнул вслед Су Цзинь. — Ты куда?

Хань Дун нехотя обернулся:

— Куда-куда... Пойду умасливать ваше величество!

Су Цзинь и Лян Цинь тут же пристроились следом.

— Какое еще «величество»? — буркнул Су Цзинь.

— А кто он, по-твоему? Живое сокровище. Пылинки с него сдуваете.

— Заткнись!

— Прекрасно, тогда не пойду.

— Третий брат, Третий брат, я не то хотел сказать! Пусть будет сокровищем, богом, кем угодно. Делай что хочешь, только приведи его в чувство.

Хань Дун едва заметно усмехнулся:

— Черт с вами.

***

В спальне мерно тикали часы. Су Мо неподвижно лежал на подоконнике, бессмысленным взглядом уставившись в окно.

«Если бы я тогда приложил все силы, чтобы удержать его... возможно, они были бы живы. Если бы я действовал быстрее, они бы не погибли. Если бы я не взял Сяюя с собой, маленькому ребенку не пришлось бы смотреть на трупы собственных родителей».

Внезапно в тишине раздался голос Хань Дуна, который произнес ровно то, о чем Су Мо думал, но не мог сказать. Юноша обернулся: Хань Дун лениво привалился к дверному косяку, наблюдая за ним.

— Су Мо, это их судьба. Рок, который не изменить. Ты человек, а не бог. Пойми, ты сделал всё, что мог.

Су Мо и правда был раздавлен. Ему казалось, что всё можно было исправить, и именно его колебания привели к столь мрачному финалу.

— Говорят, ты холодный. Ну да, немота и это твоё вечно бесстрастное лицо создают такое впечатление. Но сердце у тебя мягче, чем у кого-либо другого.

Хань Дун в несколько шагов пересек комнату, присел на край кровати и заглянул Су Мо в глаза.

— Маленькая красавица, иногда нужно просто принять, что ты сделал всё возможное. Если небеса решили что-то забрать, никто не в силах это удержать.

Су Мо опустил глаза. На его красивом лице читалась глубокая печаль.

Хань Дун поджал губы, его голос стал ниже и серьезнее:

— Я никогда не считал тебя калекой. Для меня ты — кто-то особенный, почти недостижимый. Твой дар предвидения заставляет меня верить, что ты — редчайшее сокровище в этом мире. Никто не сравнится с тобой, и я верю, что ты сможешь прожить яркую, удивительную жизнь. Честно говоря, до этой аварии я сомневался в твоих способностях, но теперь верю безоговорочно. Такого, как ты, ждет великое будущее.

У Су Мо защипало в глазах. Он всегда считал себя обузой для семьи, никчемным человеком, на которого все смотрят с жалостью. Но Хань Дун — этот парень, который в свои годы мыслил так зрело, — был единственным, кто заставил его почувствовать гордость. Почувствовать, что он может прожить жизнь иначе.

— Ты чего это? Никак нюни распустил? — поддел его Хань Дун.

Су Мо, уязвленный, вскинул голову и сердито уставился на него. Встретившись с этим насмешливым взглядом, он смутился еще больше и по привычке больно ущипнул Хань Дуна за руку.

Он ждал, что тот увернется или начнет ворчать, но на этот раз Хань Дун даже не шелохнулся. Он смотрел на него в упор и улыбался — дерзко, но чертовски обаятельно.

— Ты так любишь щипаться... Смотри, привыкну — потом без этого и уснуть не смогу.

Су Мо легонько пнул его ногой. Хань Дун рассмеялся и мимоходом взъерошил его волосы.

— На самом деле, я мог бы и не приходить. Я верю, что ты и сам справишься. Ты ведь лучше всех знаешь, что некоторые вещи предначертаны свыше, и ты сильнее, чем кажешься. Ладно, у меня дела, пойду. Захочешь поболтать — заходи в любое время.

Глядя в спину уходящему Хань Дуну, Су Мо невольно улыбнулся. На душе стало значительно

легче.

«Поболтать»? Только Хань Дун мог общаться с ним так, будто он нормальный, говорящий человек.

***

Су Цзинь, поджидавший у подъезда, тут же бросился навстречу другу:

— Третий брат, ну как?

Хань Дун вместо ответа спросил прямо:

— Су Цзинь, как по-твоему, Су Мо считает себя счастливым?

— Он... конечно, нет. Как можно быть счастливым, когда не можешь сказать ни слова?

— Третий брат, к чему такие вопросы? — встрял Лян Цинь.

— Су Мо не может говорить, ну и что с того? — Хань Дун был непривычно серьезен. — Су Цзинь, ты знаешь, почему он не может искренне радоваться жизни? Потому что вся ваша семья обращается с ним как с инвалидом.

— Вовсе нет! — поспешно возразил Су Цзинь.

Хань Дун горько усмехнулся:

— Нет? Ты сам говорил мне, что если он не найдет жену, ты будешь содержать его до конца дней. Ты твердил, что вы носитесь с ним как с хрустальной вазой, взвешиваете каждое слово, боясь его ранить. Ты даже в мединститут собрался только ради того, чтобы его «вылечить».

Хань Дун сделал паузу, давая словам осесть.

— Неужели ты не понимаешь, о чем это говорит? В глубине души вы уже поставили на нем крест как на немом калеке. Если бы вы считали его нормальным, разве возникли бы у вас такие мысли? Разве нужно следить за каждым словом в общении с нормальным человеком? Разве можно заранее решать, что он не найдет себе пару?

Су Цзинь стоял, не находя слов. Лян Цинь впервые видел Хань Дуна таким жестким и проницательным.

— Ты идешь в медицину ради него, это похвально. Но не превращай свою заботу в его каторгу. Он чувствует себя виноватым перед тобой, перед всей семьей. Думаешь, человек, вечно терзаемый чувством вины, может быть счастлив?

— Немота — это не конец света. Хватит намеренно обходить острые углы. Дай ему вздохнуть свободно, не дави на него этой своей жалостью. Ты его брат, в конце концов. Или ты его стесняешься?

— Да никогда! — вскрикнул Су Цзинь.

— Знаю. Поэтому просто смени подход. Когда говоришь с ним, не жди, что он промолчит. Спрашивай его напрямую: «Как ты считаешь?» или «Скажи, что ты об этом думаешь?». Пара простых слов может полностью изменить его мироощущение.

Хань Дун похлопал ошеломленного друга по плечу и ушел, оставив его наедине с хаосом в голове.

— Пойду-ка и я домой, — Лян Цинь решил не испытывать судьбу в такой напряженной обстановке и поскорее ретировался.

***

Су Цзинь поднялся к себе с замиранием сердца. Когда он открыл дверь, Су Мо как раз искал что-то на кухне. Он мельком взглянул на брата и снова отвернулся.

— Сяо Мо, ты... — Су Цзинь чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Он дико боялся ляпнуть что-то не то. — Ты...

Заметив его нерешительность, Су Мо обернулся. Он смотрел на брата с ожиданием, отчего Су Цзинь занервничал еще сильнее.

— Сяо Мо, слушай, как ты считаешь, что нам делать с Тянь Сяоюем? — выпалил Су Цзинь, пытаясь изобразить непринужденную улыбку.

Су Мо удивился и едва заметно улыбнулся.

«Что-нибудь придумаем», — ответил он жестами.

Увидев его улыбку, Су Цзинь почувствовал, как гора свалилась с плеч. Более того, он заметил, что брат словно ожил — в его взгляде появилось то живое сияние, которого так не хватало раньше.

Неужели совет Хань Дуна и правда сработал?

— Ты пойдешь завтра на похороны?

Су Мо кивнул.

— Сяюй всё еще не выходит из комнаты. Может, поешь и попробуешь с ним поговорить? Тебя он, скорее всего, послушает, — Су Цзинь внимательно следил за реакцией брата, но не увидел и тени прежней подавленности.

«Тебе что, голову дверью прищемило?» — с усмешкой показал Су Мо.

Раньше брат обязательно сказал бы: «Сяюй к тебе привязан, сходи помоги ему», избегая любых слов, связанных с речью. Члены семьи Су десятилетиями фильтровали свой лексикон рядом с ним.

Су Цзинь глупо хихикнул и почесал затылок:

— Не прищемило, просто меня осенило.

«Болван», — беззвучно, одними губами произнес Су Мо. Но Су Цзинь всё понял, и по телу разлилось странное тепло.

***

На следующее утро состоялись похороны. Проводить родителей Тянь Сяююя пришли только Су, Лян Цинь и пара соседей постарше, решивших помочь.

Мать Су, глядя на Сяююя, рыдающего у надгробия, горько вздохнула:

— Соседи, знакомые... и никто не пришел. Неужели в людях совсем не осталось капли сочувствия?

— Тетушка Су, а у них совсем нет родни? — спросил Лян Цинь.

— В конце восьмидесятых эта пара приехала в наш Заводской жилой комплекс. С тех пор они снимали жилье. Родственников мы никогда не видели, и они ни к кому не ездили. Я спрашивала Сяююя — говорит, никого не осталось.

Сяююй зарыдал еще сильнее. У Лян Циня защемило в груди; он сам рос сиротой и как никто другой понимал эту боль.

— И что теперь будет с мальчиком?

— Придется искать хороший приют, какие еще варианты, — мать Су поправила шаль и подошла к ребенку. — Малыш, ну не плачь, у меня сердце на куски рвется.

Тянь Сяюй вцепился в холодный камень памятника. Его глаза опухли, а голос охрип от бесконечного крика:

— Тетушка Су... я... я больше никогда... не увижу... маму и папу?..

Су Моли прослезилась. Она присела и крепко обняла мальчика:

— Сяюй, у тебя есть тетушка.

— Нет... я хочу... маму... папу... Я больше не буду... их расстраивать... — Мальчик уткнулся ей в плечо, заливая рубашку слезами.

Су Мо и Су Цзинь переглянулись. На душе было невыносимо тяжело.

***

Вечер окрасил небо багрянцем. Во дворе Заводского жилого комплекса всё так же звенел детский смех. Су Мо стоял у окна, глядя на залитый закатом двор, и внезапно ощутил острый укол грусти.

Мир устроен просто: если ты уходишь, и рядом нет тех, кто тебя по-настоящему любит, никто и глазом не моргнет. Никто не вспомнит о тебе и через секунду после того, как земля скроет гроб.

Со временем о тебе забудут все. И нет ничего важнее, чем просто жить — вопреки всему. Су Мо почувствовал, как внутри закипает глухое упрямство. Он не желал сдаваться! Он не хотел проиграть судьбе из-за того изъяна, которым она его наградила. Он станет сильным. Он докажет всем, кто смотрел на него свысока, чего он стоит.

— Сяо Мо, о чем задумался? — в комнату вошел Су Цзинь.

Су Мо обернулся. В лучах заходящего солнца он выглядел удивительно хрупким и в то же время чистым, точно фарфоровая статуэтка.

«О будущем», — он едва заметно улыбнулся и снова посмотрел в окно.

Судьба лишила Су Мо голоса, но взамен одарила его невероятной красотой. Тонкие черты лица, безупречный разрез глаз, стройная фигура — в нем было ровно столько изящества, сколько нужно, чтобы оставаться юным и одухотворенным.

Су Цзинь часто думал, что такая привлекательность для брата — скорее проклятие. Несмотря на то что в нем сразу угадывался юноша, он был красивее многих девушек, и это заставляло его нервничать. Если бы не слава «немого», за ним бы уже давно хвостом ходила толпа поклонниц.

— Сяо Мо, я всё равно за тебя спокоен не буду. Давай я буду тебя всю жизнь содержать, а?

Су Мо иронично вскинул бровь и улыбнулся. Эта улыбка была такой открытой, что Су Цзинь невольно заулыбался в ответ.

— Хе-хе, ну правда, ты когда улыбаешься — глаз не оторвать.

«Ну и дурак же ты».

— Дурак так дурак, зато не бабник, — Су Цзинь заметил вопросительный взгляд брата и пояснил: — Это я про Дун-цзы. Знаешь, чем он эти дни занят? Тогда пришел к тебе только после того, как я его полчаса уламывал. Весь в делах. Слышал, он себе подружку завел, да не одну — меняет их каждый день. Нет человека ветренее, честное слово.

Су Мо замер. Улыбка медленно сошла с его лица. Он коротко кивнул.

«Что ж... это хорошо».

<http://bllate.org/book/17506/1657641>